

Культурно-правовая ценность исследования европейских пенитенциарных систем

Тепляшин П.В.,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела
Сибирского юридического института ФСКН России
E-mail: pavlushat@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается значение метода сравнительного правоведения и международно-правовых стандартов в культурно-правовом обогащении отечественной системы исполнения уголовных наказаний, закреплении идеи приоритета прав человека и исторически апробированных форм обращения с осужденными. Предлагается осуществить классификацию и типологизацию европейских пенитенциарных систем, что позволит обнаружить соответствующее место российской пенитенциарной системы в данных группировках и сформировать адекватное представление о закономерностях отечественной пенитенциарной практики. Обосновывается важность создания адекватной правовой основы взаимодействия и сотрудничества национальных пенитенциарных ведомств. Делается ряд выводов об отдельных закономерностях развития отечественной модели обращения с осужденными в условиях исследования теоретических аспектов европейских пенитенциарных систем.

Ключевые слова: европейская пенология, культурологическая ценность, реформа уголовно-исполнительной системы, тип пенитенциарной системы, тюремный конгресс, ценность правовой системы.

Обращение к пенитенциарной сфере именно европейских стран обусловлено двумя основными причинами, детерминирующими важнейшие тенденции дальнейшего формирования отечественной уголовно-исполнительной системы: 1) известной склонностью российской правовой системы рефлексировать над западными либерально-демократическими ценностями и 2) формальной целью Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р, повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными¹.

Вместе с тем реализация и защита прав, свобод и законных интересов граждан является важнейшим достижением не только современной цивилизации, но и российского общества, которое закрепляет данную ценность в ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». При этом именно осужденные составляют наиболее многочисленную категорию лиц, в отношении которых допускается правомерное ограничение их естественных прав. Следовательно, должен существовать эффективный механизм правового регулирования исполнения уголовных наказаний, учитывающий достижения в области охраны прав осужденных.

В европейских странах появляются известные черты общности публично-правовых институтов, юридической техники и даже правосознания. Вне концептуального понимания

значимости такого исследования и широкого использования практики функционирования пенитенциарных учреждений европейских государств отечественная модель обращения с осужденными рискует остаться во власти стихийных процессов «слепого» заимствования зарубежных и международных пенитенциарных стандартов и эталонов, сплошных верификаций и экспериментов без необходимых смысловых ориентиров и исторически апробированных форм правового регулирования уголовно-исполнительных отношений. Успех реформы уголовно-исполнительной системы России, которая в настоящее время находится в сущности на распутье, во многом зависит от готовности российской юридической науки удержать прогрессивные достижения прошлого и обогатить их культурно-правовыми ценностями сегодняшней эпохи.

Исследование европейских пенитенциарных систем способствует пониманию отечественных традиций в этой сфере, самобытного правового уклада и перспектив развития национального законодательства, позволяет вскрыть резервы правовых средств регулирования соответствующих общественных отношений, обратиться к перспективам модернизации уголовно-исполнительного законодательства и по-новому взглянуть на правоприменительную практику, сопутствующую реформированию уголовно-исполнительной системы. Изучение научно-теоретических предпосылок и практического содержания эффективности пенитенциарной системы позволяет сформировать комплексное видение механизмов, лежащих в основе изменения карательного элемента и социальной модальности уголовного наказания, судебно-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений и реализации международных пенитенциарных

¹ Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

стандартов, а также дальнейшего построения научных парадигм в области карательно-предупредительного и исправительного воздействия государства на преступника.

Пенитенциарный опыт отдельного государства, независимо от его типичности по отношению к конкретной правовой семье, не может быть представлен в качестве международно-правового опыта. При этом соглашамся с позицией Л.Г. Овсепян о том, что недопустимо «исследовать проблему сквозь призму правопорядка своей страны, другими словами, необходимо абстрагироваться от доктрины, понятий и законодательных конструкций собственного права»². Такое «абстрагирование» особенно необходимо при рассмотрении европейской пенитенциарной системы как сложного комплексного объекта правовой действительности, нормативная основа которой заложена в положениях международного пенитенциарного права.

Однако «взаимодействие международной и национальных правовых систем охватывает не только право в его нормативном закреплении, правотворческую и правореализационную деятельность международных и внутригосударственных институциональных структур, но и такой важный компонент этих системных конструкций, как правосознание»³. В этом смысле международное и европейское право позволяет удерживать не только позитивистский тип правопонимания, но и демонстрирует ценность естественно-правового содержания права. В частности, А. Ашвес отмечает, что «единое европейское право обладает большей юридической силой, чем национальное право <...> Причиной здесь выступает то обстоятельство, что Международный уголовный суд был образован именно для реализации данного права и на основе соблюдения фундаментальных прав человека»⁴.

Следует заметить, что международно-правовые ценности преломляются в силу культурологических особенностей правопонимания в конкретном обществе, поэтому содержание международного права и правоприменительная практика реализации международных пенитенциарных стандартов и правил должны находиться в определенной зависимости от ментальных стереотипов поведения (архетипа восприятия права) и правосознания граждан соответствующего общества. При ближайшем рассмотрении

данных ментальных стереотипов поведения становится понятно, почему, например, такая европейская культурологическая ценность, как индивидуализм, в обращении с осужденными далеко не всегда приемлема для отечественной уголовно-исполнительной системы, в основе которой лежит идея коллективного отбывания наказания. Вместе с тем именно подобная культурологическая самобытность и определенное различие архетипов восприятия права приводит к стремлению обнаружить общие черты социально-правового развития, обмену накопленным опытом и в конечном счете к правовой интеграции. При этом, с практической точки зрения, именно интеграция правовых систем исключительно остро ставит проблему создания адекватной правовой основы взаимодействия и сотрудничества национальных пенитенциарных ведомств.

При этом важно подчеркнуть, что пенитенциарные правила, положенные в основу международно-правовых актов в сфере обращения с осужденными, базируются на традициях права стран Западной Европы, поскольку в целом формирование и активное развитие международно-правового взаимодействия с выработкой соответствующих универсальных стандартов происходило между странами, традиционно являющимися представителями западной цивилизации. Так, по мнению профессора И.Л. Честнова, «то, что сегодня понимается под правами человека и что закреплено в международно-правовых актах, является исключительно западным явлением, обусловленным господствующими в эпоху модерна обменными отношениями, хотя предпосылки его можно обнаружить в религиозных догматах XI–XII вв. и периода реформации, закрепивших в общественном сознании и социальной реальности принципы индивидуализма, формального равенства и активистского, преобразовательного отношения к внешнему миру»⁵.

Посредством сравнительного исследования иностранных моделей обращения с осужденными в Европе вырабатывались конкретные рекомендации тюремных конгрессов, первая серия которых связана с проведением международного конгресса во Франкфурте-на-Майне в 1846 г., вторая — с международным конгрессом в Лондоне в 1872 г. Обсуждение иностранного пенитенциарного опыта с выработкой рекомендаций, еще пока не имеющих общепризнанного значения и во многом обязательного выполнения, происходило в рамках второй серии вплоть до 1950 г., когда под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии состоялся последний тюремный конгресс в Гааге. Однако именно в этот период закладывается информационная ос-

² Овсепян Л.Г. Охрана безопасности флоры и фауны по уголовному законодательству Республики Армения и России / отв. ред. А.И. Чучаев. Владимир: б.и., 2008. С. 31.

³ Гаврилов В. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 34.

⁴ Ashworth A. Principles of Criminal Law. 3 ed. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 63.

⁵ Социальная антропология права современного общества: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.; М.: Знание: ИВСЭЭП, 2006. С. 124.

нова и предопределяется культурно-гуманистическая направленность норм международного пенитенциарного права, формировалась методика разработки стандартов в области обращения с осужденными. Постепенное формирование норм международного пенитенциарного права неизбежно привело к необходимости их достаточно строгого соблюдения в целях поддержания стандартов, аккумулируемых в этой сфере в процессе эволюционного развития гуманистических ценностей и прагматических взглядов.

Методологические основы сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем могут быть представлены в виде парадигмы, состоящей из совокупности научно-теоретических категорий, имеющих ценность для познания потребностей и основных направлений совершенствования отечественного пенитенциарного законодательства и практики его применения, методов такого исследования, позволяющих организовать и упорядочить приемы и способы построения искомой модели уголовно-исполнительного законодательства, а также научно-практических способов апробации достигнутых теоретических результатов.

В настоящее время сравнительно-правовому исследованию подвергаются европейские пенитенциарные системы, как правило, отдельных стран либо их групп (например скандинавской), что не способствует их системному восприятию и не в полной мере позволяет реализовывать метод сравнительного правоведения. Как отмечает А.А. Малиновский, сравнительное правоведение представляет собой использование сравнительно-правового метода при исследовании явлений и процессов правовой действительности. Соответственно, сущность сравнительно-правового метода заключается в сопоставлении объектов правовой действительности разных государств в целях выявления сходства или различия между этими объектами и терминами, их обозначающими⁶. В связи с чем допустимо европейскую пенитенциарную систему рассматривать как единый объект правовой действительности, только в рамках которого сравнительно-правовой интерес представляют теория и практика исполнения уголовных наказаний в отдельных государствах.

Важно отталкиваться от постулата о необходимости разграничения сравнительного правоведения как сравнительно-правового исследования и изучения зарубежного права, а также отделения зарубежного опыта от международного. Одностороннее исследование иностранного права не является компаративным (*от лат. comparativus — сравнительный*) исследованием.

⁶ См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 3, 4.

В методе сравнительного правоведения имеются значительные возможности по исследованию не только правовых систем отдельных государств, но намного более крупных правовых массивов. Вместе с тем, отмечая ценность сравнительного правоведения, сложно согласиться с мнением А.А. Малиновского: «Российская уголовно-правовая наука не должна быть самодостаточной. Исходя из положения о неравномерности эволюции мировых цивилизаций, можно утверждать, что некоторые государства находятся на ином, нежели Россия, уровне культурно-правового развития. Сравнительное исследование дает возможность выявить и учесть чужие ошибки и достижения при решении вопросов о преступности и наказуемости конкретных деяний»⁷. Как представляется, отечественная наука, в том числе уголовно-правового цикла, только в условиях самодостаточности сможет сдерживать вызовы современности, эффективно позиционировать себя в мировом идеологическом пространстве, сохранять и укреплять нравственный стержень, а «любые попытки скопировать внешне привлекательные черты иной культуры и перенести их на свою почву обычно кончаются хаосом и разрушением собственных структур»⁸. Ведь только обладая культурным суверенитетом, наука способна занять достойное место в достижениях цивилизации, оставив за собой уникальные черты и способность сохранения накопленного исторического опыта. Как справедливо отмечает И.М. Клейменов, вне исторического контекста и при утрате нравственного критерия сравнительно-правовой анализ сделает невозможным познание сущности явлений, происходящих в современном мире и в лучшем случае обеспечит лишь эмпирический уровень исследования⁹. Также следует поддерживать позицию В.И. Лафитского о том, что сравнительное правоведение рассматривается «не только как научное познание, но еще и политическая материя, и инструмент идеологической борьбы. В настоящее время, по сути, ставится задача расчистить правовое пространство, внедрить иные концепции. Идет экспансия, интервенция чужеродного права. Поэтому так важно изучать и защищать собственные национальные правовые корни»¹⁰.

Анализ состояния и проблем европейской пенологии с позиций сравнительного правоведения позволяет говорить о существовании наряду с правовой картой Европы ее пенитенциарной карты, отражающей теоретические и практиче-

⁷ Малиновский А.А. Указ. соч. С. 4.

⁸ Рубаник В.Е. Проблемы сравнительно-правового исследования становления и эволюции российской государственности // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 22.

⁹ См.: Клейменов И.М. Методология сравнительно-правового исследования // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2011. № 1. С. 117.

¹⁰ Сравнительное правоведение: концептуальные подходы // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 142.

ские подходы к вопросам исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества в отдельных странах и регионах. Более того, это утверждение отражает научную логику и последовательность выделения в правовой теории криминального цикла соответствующих систем — уголовно-правовых и криминологических систем современного мира. Как представляется, учение о данных системах будет неполным без теории пенитенциарных систем.

Методология компаративистского анализа всегда предполагает обращение к теоретическим аспектам правовых систем (семей), что предопределяет сравнительно-правовой вектор дальнейшего исследования. На таких постулатах основываются методологические предпосылки диссертационных исследований уголовно-правового профиля на соискание ученой степени доктора юридических наук¹¹.

В условиях достаточного внушительного многообразия как фундаментальных, так и более частных подходов к классификации и типологизации правовых систем (семей) непреложным выступает тезис о самобытности, самостоятельности российской (славянской) правовой семьи, которая, как представляется, достойна находится на одной линейке с англосаксонской (семей общего права), мусульманской, романо-германской и другими мировыми правовыми системами (семьями). В связи с чем заметим, что аксиологическая парадигма права предполагает дальнейшее признание и конструктивное осмысление ценности права, его моделей, конструкций и механизмов, основа которых уже заложена в различных правовых системах.

При этом отметим, что уголовное наказание, выступающее, в сущности, стержнем пенитенциарной системы, имеет тесную связь с культурой, ее различными модальностями и последствиями трансформации, по сути, не имеющей локального действия, но «вплетенной» в общецивилизационную материю ее существования. Уголовное наказание как наиболее «заметное» проявление культуры находится в весьма чувствительной связи с социокультурными ценностями, поэтому эпистемология наказания не может отражать лишь одну систему правовых идеалов.

Обращаясь к теоретическим основам сравнительно-правового исследования европейских пенитенциарных систем, нельзя обойти вниманием методологические аспекты типологического или, иначе говоря, таксономического исследования. Так, следует заметить, что типологизация и классификация выступают широко

применяемыми междисциплинарными методами научного познания. Применение данных методов направлено на изучение разнородной и дискретно расположенной относительно друг друга массы объектов, что обеспечивает их упорядоченное описание, более глубокое познание и обнаружение функционального единства. Изучение пенитенциарных систем предполагает обращение ко всем перечисленным методам, поскольку разнообразие форм, средств и подходов к исправительному воздействию в пенитенциарной практике государств неизбежно приводит к использованию типологического обобщения и осуществлению процесса классификации изучаемого объекта, результаты которого формируют соответствующую систему.

Решению задач теоретического и эмпирического познания европейских пенитенциарных систем способствует не только метод классификации, позволяющий обнаружить место каждому элементу системы в определенной группе при четко очерченной линии границ между классами, но и типологизация, имеющей дело с нечеткими множествами, лишенными указанных выше границ. Именно типологизация позволяет систематизировать пенитенциарные системы, сгруппировав их по одному или нескольким теоретически обоснованным и структурированным критериям (основаниям). При этом критерии классификации могут быть случайными, не связанными с глубинными закономерностями становления и развития пенитенциарных систем, тогда как критерии типологии всегда носят сущностный характер, что позволяет не просто проводить группировку, но и выявлять качественные особенности практики обращения с осужденными.

Научно обоснованная классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем способствует адекватной оценке западных образцов в сфере обращения с осужденными, позволяет формировать и практически претворять новые модели развития российской уголовно-исполнительной системы, основанные не на конъюнктурных политизированных лозунгах, а на жизнеспособных критериях, проверенных временем и отражающих реальные потребности социального развития. При этом любая правовая трансляция, радикально меняющая пенитенциарную систему, обречена на провал, если не усиливает существующие закономерности ее культурно-исторического развития, а также профессионализм правоприменителя и социально-экономические условия. Для того чтобы не допустить простого возврата в прошлое в ходе возможных контрреформ, а учесть собственный исторический опыт в контексте базовых ценностей, накопленных европейской пенитенциарной практикой, важно провести сопоставление закономерностей развития отечественной и европейских пенитенциар-

¹¹ См.: Козочкин И.Д. Современное состояние и проблемы уголовного права США: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 3–4, 12; Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 3–4.

ных систем. Однако сделать это возможно только тогда, когда будет достигнуто единообразное понимание категории «пенитенциарная система», произведена их дальнейшая группировка и сопоставление. Системный подход к исследованию европейской пенологии оправдан с позиций обнаружения ориентира в огромном разнообразии способов, подходов, форм и учений исправительного воздействия на осужденное лицо, что, в свою очередь, отражает специфику права и политики, исторические, культурные, социальные и идеологические основы конкретного общества, особенности менталитета и правосознания граждан государства. Ведь внесистемный подход к сравнительно-правовым исследованиям в науке уголовно-исполнительного права противоречит не только принципам сравнительного правоведения, но и грозит появлению нежизнеспособных институтов, созданных в результате непродуманного заимствования чужеродных элементов из иностранных правовых систем.

Полагаем методологически неверным сопоставление российской пенитенциарной системы одновременно со всем массивом европейской, поскольку последняя обладает значительным разнообразием и определенной рафинированностью, наличием соответствующих «очагов» своего проявления, охватывающих определенные группы государств с их типичными чертами пенитенциарной практики. В силу этого реализация Европейских пенитенциарных правил 1987 г. (в редакции Рекомендаций 2006 г.) в конкретном государстве также значительно преломляется под действием культурно-исторических, идеологических и социально-экономических особенностей конкретной страны.

Исследователи зарубежного пенитенциарного опыта порой впадают в существенное заблуждение, пытаясь говорить о некоем его единстве, и, как правило, делают недопустимую с научной точки зрения оговорку об определенных исключениях либо преобладаниях этого опыта. Например, Н.А. Глебова пишет: «Для Российской Федерации передовой зарубежный опыт имеет особое значение <...> право на существование более гуманной и демократической системы подтверждается практикой ее применения в большинстве европейских стран»¹². Также недопустимо строить сравнительно-правовые исследования на основе обособления пенитенциарных систем стран Западной Европы¹³, поскольку, во-первых, отсутствует четкое разграничение

западноевропейской части данного континента от остальных частей (относится ли к Западной Европе Финляндия?); во-вторых, даже в странах Западной Европы наблюдается значительный контраст правовых и, следовательно, тюремно-ведческих основ между отдельными государствами (например, между Великобританией и Испанией); в третьих, значительный интерес представляют страны, входящие в Европейский Союз, но географически расположенные на территории Восточной Европы и подверженные переходным трансформациям (в частности, страны, образовавшиеся после распада Чехословакии), что заслуживает особого внимания как раз со стороны России.

В европейской пенитенциарной действительности отсутствуют универсальные свойства, присущие пенитенциарной системе каждого государства. Если и есть общие черты, то они носят достаточно «грубый» для целей сравнительно-правового исследования характер. Например, преобладание тюремного режима для пенитенциарных систем европейских стран еще не позволяет выделить конкретный предмет сравнения, поскольку такая модель размещения осужденных имеет свою специфику практически в каждом государстве Европы, что обусловлено историческими особенностями ее становления в отдельных странах, наличием особых социально-экономических и других факторов. Следовательно, нецелесообразно проводить сравнительный анализ между усредненной европейской моделью размещения осужденных в пенитенциарных учреждениях и российской. Поскольку данная «усредненная модель» окажется «обезличенной», потерявшей отдельные особенности, которые зачастую имеют решающее значение при обращении с осужденными, она абстрагируется от конкретных культурно-исторических, криминологических и административно-управленческих тенденций. Абсолютно нецелесообразно не только перенимать основные контуры «усредненной модели», но и даже проводить сопоставление. Именно для разрешения этой проблемы предлагается осуществить классификацию и типологизацию европейских пенитенциарных систем, что позволит обнаружить соответствующее место российской пенитенциарной системы в данных группировках и сформировать адекватное представление о закономерностях отечественной пенитенциарной практики. Ведь как справедливо отмечает О.А. Халабуденко, «само по себе правоотношение, вне типизированной формы, искомым результатом сравнительно-правового анализа быть не может»¹⁴.

¹² Глебова Н.А. Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач её развития до 2020 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 27, 30.

¹³ В частности, см.: Витина М.Д. Система исполнения наказания в Западной Европе // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 183–186.

¹⁴ Халабуденко О.А. Вопросы методологии сравнительного правоведения: от функционализма к конструкции и деконструкции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4 (41). С. 658.

В методологическом аспекте тип пенитенциарной системы выступает сложной конструкцией, расположенной в таксономическом социальном континууме. Соответствующий тип является особым идеальным объектом, образуемым посредством абстрактного высвечивания одних характеристик пенитенциарной системы, обусловленных заданными критериями типологизации, и затушевывания других. Идеальность типа обеспечивает целесообразность использования многофакторных моделей и тем самым создает основу для широкого применения логико-математических методов и подходов (в частности, факторного анализа эффективности пенитенциарных систем).

В свою очередь, исправительное воздействие построено на типологии соответствующих форм, средств и подходов в пенитенциарной практике государств. Общая характеристика европейской пенитенциарной системы показывает в определенном смысле предельную модель гуманитарного обращения с осужденными. Отдельные типы европейской пенитенциарной системы выступают структурными моделями такого обращения. На этом основании европейская пенитенциарная система выступает абстрагированной конструкцией, отражающей своеобразие и логику формирования, трансформации и развития пенитенциарной практики в государствах, расположенных в пределах соответствующего географического пространства.

Таким образом, представляется возможным сформулировать ряд выводов.

1. Наблюдаются эволюционные изменения основных параметров правовых систем: 1) происходит культурно-правовое сближение между отдельными странами и, что наиболее симптоматично, между отдельными правовыми системами; 2) каждая из «сближающихся» правовых систем, обладая высокой социально-исторической развитостью, будет сохранять свою «самобытность», коренные ценности, и начала каждой из них будут по-прежнему иметь органически включенные в правовую материю очертания. В этих изменениях будет оставаться непоколебимой зависимость национальной правовой системы от ее культурной идеологии и менталитета народа. Вместе с тем фарватер современного развития отечественного права должен находиться в русле универсальной юридической культуры и правосознания граждан, отражать так называемое право цивилизованных народов.
2. Теоретическая оценка роли международных пенитенциарных стандартов в решении известных проблем функционирования пенитенциарных систем демонстрирует приоритет прав человека как универсальной обще-

человеческой ценности, позволяет выработать необходимые смысловые ориентиры и закрепить исторически апробированные формы обращения с осужденными.

3. В европейской пенитенциарной системе обнаруживается наличие соответствующих правовых потребностей, тогда как ее важнейшим условием является правило так называемой презумпции идентичности, согласно которому существующие единые правовые потребности для любой правовой либо национальной системы обеспечиваются (решаются) в какой-то мере единообразно. Наличие подобных потребностей отражает духовно-идеологические, культурно-цивилизационные либо социально-экономические особенности и ценности правовой системы и конкретных публично-правовых институтов, но в конечном итоге их удовлетворение воплощается в единообразном результате. Проблема обращения с осужденными всегда реализуется в исправительном воздействии на них, однако данное воздействие как самостоятельный публично-правовой институт отражает указанные особенности соответствующей правовой системы.
4. Выделение классов и типов пенитенциарных систем по различным основаниям позволяет высвечивать не только концептуальные установки государственной пенитенциарной политики, но и социальные представления о целесообразности именно такой организации сферы исполнения уголовных наказаний. Важное значение для классификации и типологизации пенитенциарных систем имеет географический ареал их расположения, отражающий специфические объединяющие особенности теории, законодательства и практики обращения с осужденными, характерные для стран определенного региона, в свою очередь обусловленные общими исторически сложившимися воззрениями на причины и меры противодействия преступности, которые отличаются от общеевропейских, но не являются национально-особенными, поскольку свойственны, как правило, нескольким странам одновременно.
5. Классификация пенитенциарных систем основывается на критериях, которые связаны с одним из элементов пенитенциарной системы либо производных от них: пенитенциарной доктриной и мировоззрением; структурой и организацией функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания; соответствующим законодательством; правоприменительной практикой, тогда как при типологизации задействованы все указанные элементы с допустимым преобладанием одного или двух из них.

6. Форма размещения и содержания осужденных в местах изоляции от общества позволяет выделить следующие классы европейских пенитенциарных систем: 1) в которых используется «келейно-покамерная» модель размещения осужденных 2) в которых сочетаются «келейно-покамерная» и «колонийско-отрядная» модели размещения осужденных. Также можно выделить классы в зависимости от организации управления и подведомственности пенитенциарной системой.
7. Сравнительно-статистические сведения с полной наглядностью демонстрируют типичные (схожие) как ретроспективные, так и современные характеристики пенитенциарных систем государств, входящих в соответствующие типы европейских пенитенциарных систем: 1) скандинавский (североевропейский); 2) англо-ирландский; 3) голландский; 4) германский; 5) французский; 6) иберийский; 7) южноевропейский; 8) восточноевропейский; 9) прибалтийский и 10) славянский. Каждый из данных типов находится в состоянии более активной внутренней, нежели внешней, интеграции в решении взаимовыгодных задач обеспечения безопасности и правопорядка, которая выступает логическим продолжением реализации взаимных исторически сложившихся интересов государств, находящихся в тесных «соседских» отношениях. На этом фоне внешняя интеграция конкретного типа европейской пенитенциарной системы намного более слабая, и она зависит от внутренних более тесно связанных потребностей государств соответствующего типа.
8. Научно обоснованная классификация и типологизация европейских пенитенциарных систем способствует адекватной оценке западных моделей в сфере обращения с осужденными. В этом видится ценностный подход к исследованию европейской пенологии, который оправдан с позиций обнаружения ориентира в разнообразии способов, подходов, форм и учений исправительного воздействия на осужденное лицо, а также отражения специфики права и политики, исторических, культурных, социальных и идеологических основ конкретного общества, особенности менталитета и правосознания граждан государства.
9. Национальная модель обращения с осужденными отражает основные закономерности развития пенитенциарной науки, поэтому смена пенологических ожиданий и влияние

на отечественное уголовно-исполнительное право упадка «идеала реабилитации», реанимации классических подходов к сущности и содержанию механизмов воздействия на преступника привели к принципиальному реформированию отечественной уголовно-исполнительной системы, которая, постепенно воспринимая идею индивидуализма в обращении с осужденными как европейскую культурологическую ценность, связана с попытками перехода от «отрядно-колонийской» к «тюремно-покамерной» модели размещения осужденных, что в целом свойственно для всех государств славянского типа пенитенциарной системы.

Список литературы:

1. Витина М.Д. Система исполнения наказания в Западной Европе // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 2. С. 183–186.
2. Гаврилов В.К. вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и стран АТР в правовом дискурсе / отв. ред. А.И. Коробеев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. С. 33–43.
3. Глебова Н.А. Внедрение передового зарубежного опыта и реализация международных стандартов в деятельности уголовно-исполнительной системы России с учетом задач ее развития до 2020 г. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 25–31.
4. Клейменов И.М. Методология сравнительно-правового исследования // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2011. № 1. С. 111–118.
5. Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Междунар. отношения, 2002. 376 с.
6. Овсепян Л.Г. Охрана безопасности флоры и фауны по уголовному законодательству Республики Армения и России / отв. ред. А.И. Чучаев. Владимир: б. и., 2008. 200 с.
7. Рубаник В.Е. Проблемы сравнительно-правового исследования становления и эволюции российской государственности // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 21–23.
8. Социальная антропология права современного общества: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.; М.: Знание: ИВСЭЭП, 2006. 248 с.
9. Сравнительное правоведение: концептуальные подходы // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 142–151.
10. Халабуденко О.А. Вопросы методологии сравнительного правоведения: от функционализма к конструкции и деконструкции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4 (41). С. 653–663.
11. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство по гражданским делам и его элементы в свете идеи верховенства права // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 138–149.
12. Стромов В.Ю. Эффективность отечественной системы наказаний: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 138–149.
13. Омельченко О.А. Историко-правовой анализ регулирования проблемы отбывания наказания в виде лишения свободы беременными женщинами и женщинами с малолетними детьми // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 138–149.

Cultural and legal value of the European penal systems study

Teplyashin P.V.,

PhD in Law, associate professor,

Head of Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department of the
Siberian Law Institute of the FDCS of Russia

E-mail: pavlushat@mail.ru

Abstract. *The article reveals the importance of the method of comparative law and international legal standards in the cultural enrichment of the national legal penal system, consolidating the idea of the priority of human rights, and historically proven forms of treatment of prisoners. It is proposed to carry out the classification and typology of European penal systems that can detect the appropriate place of the Russian penitentiary system in these groups and to form an adequate idea of the domestic laws of the penal practice. Substantiates the importance of establishing an adequate legal framework for coordination and cooperation of national penal authorities. It makes a number of conclusions about the specific laws of the development of the domestic model treatment of prisoners in a study of theoretical aspects of European penal systems.*

Keywords: *European penology, cultural value, the reform of the criminal-executive system, the type of penitentiary system, penal Congress, the value of the legal system.*

References:

1. Vitina M.D. Sistema ispolneniya nakazaniya v Zapadnoj Evrope // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. 2010. № 2. S. 183–186.
2. Gavrilov V. K voprosu o vzaimodejstvii mezhdunarodnoj i nacional'nyh pravovyh sistem v kontekste ideologii i pravosoznaniya // Kontakt Rossii i stran ATR v pravovom diskurse / otv. red. A.I. Korobeev. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2005. S. 33–43.
3. Glebova N.A. Vnedrenie peredovogo zarubezhnogo opyta i realizacija mezhdunarodnyh standartov v dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossii s uchetoj zadach ejo razvitiya do 2020 g. // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2011. № 13. S. 25–31.
4. Klejmjonov I.M. Metodologija sravnitel'no-pravovogo issledovaniya // Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo. 2011. № 1. S. 111–118.
5. Malinovskij A.A. Sravnitel'noe pravovedenie v sfere ugovolnogo prava. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2002. 376 s.
6. Ovshepjan L.G. Ohrana bezopasnosti flory i fauny po ugovolnomu zakonodatel'stvu Respubliki Armeniya i Rossii / otv. red. A.I. Chuchayev. Vladimir: b. i., 2008. 200 s.
7. Rubanik V.E. Problemy sravnitel'no-pravovogo issledovaniya stanovleniya i jevoljucii rossijskoj gosudarstvennosti // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 21–23.
8. Social'naja antropologija prava sovremennogo obshhestva: monografija / pod red. I.L. Chestnova. SPb.; M.: Znanie: IVSJeJeP, 2006. 248 c.
9. Sravnitel'noe pravovedenie: konceptual'nye podhody // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 5. S. 142–151.
10. Halabudenko O.A. Voprosy metodologii sravnitel'nogo pravovedeniya: ot funkcionalizma k konstrukcii i dekonstrukcii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2013. № 4 (41). S. 653–663.
11. Afanasev S.F. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo po grazhdanskim delam i ego elementy v svete idei verhovenstva prava // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 138–149.
12. Stromov V.Yu. Effektivnost otechestvennoy sistemy nakazaniy: problemy ugovolno-pravovoy teorii i pravoprimeritel'noy praktiki // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 138–149.
13. Omelchenko O.A. Istoriko-pravovoy analiz regulirovaniya problemy otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody beremennymi zhenshinami i zhenshinami s maloletnimi detmi // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 138–149.